
Ганская Е.Н.

СОВЕТСКАЯ МАССОВАЯ ПЕСНЯ КАК ФОРМА ИДЕОЛОГИИ*

*Ganskaja E.N.
Soviet mass song as a form of ideology*

Первостепенная задача советской власти «в области искусства после победы социалистической революции заключалась в том, чтобы повернуть работу художественных учреждений в сторону обслуживания культурных интересов трудящихся масс и использовать имеющиеся силы для развертывания широкой художественно-просветительной и пропагандистской деятельности». Для ее реализации в 1922 г. ЦК РКСМ был издан циркуляр, в котором подчеркивалась необходимость организованного разучивания революционных песен, которые могли бы приблизить молодежь «к пониманию задач строительства новой жизни». А 9 февраля 1923 г., согласно постановлению Совета народных комиссаров, был учрежден Комитет по контролю за зрелищами и репертуаром. С того момента «ни одно произведение не может быть допущено к публичному исполнению без разрешения Главреперткома при Главлите или его местных органов (обллитов и гублитов)». Членами Комитета контролировались любые публичные зрелища и выступления – от лекций и научных докладов до концертов и деревенских танцевальных вечеров. Был также составлен (и ежегодно переиздавался) «Репертуарный указатель», регулирующий исполнение пьес, театральных и вокально-инструментальных произведений в зависимо-

* Ганская Е.Н. Советская массовая песня как форма идеологии // Litera. – М., 2019. – № 2. – С. 251–261.

сти от степени «подготовки аудитории» и «социально-политической значимости» произведений. Дореволюционные романсы, городские и так называемые блатные песни были квалифицированы как рассчитанные «на обслуживание нэпманства и мещанства» (и потому запрещены).

В середине 1920–1930-х годов в Советском Союзе окончательно утвердились термины «(советская) массовая песня» и «эстрада», которыми охватывалось все вокально-музыкальное творчество советских композиторов и поэтов-песенников, объединенных в соответствующие союзы. Подобная перестройка «литературно-художественных организаций» покончила с «организациями и теориями, имеющими сектантскую, кастовую замкнутость, разобщенность композиторских кадров, кружковщину».

Определение «массовая песня» было предложено членами «Проколла» – производственного коллектива студентов-композиторов, выступавших за создание и развитие такого искусства, которое бы одновременно отражало советскую действительность и было понятно массовому слушателю. Как пишет И. Нестьев, до формирования «Проколла» советские композиторы «пытались изобрести некий идеальный „пролетарский стиль”, очищенный от мещанской скверны. На деле же чаще всего возникали холодные и тяжеловесные гимны, напоминавшие риторический торжественно-приподнятый стиль официально-поздравительных кантат», в то время как песни, написанные студентами-композиторами, стали первыми профессиональными работами, широко распространявшиеся в массах».

Постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) 23 апреля 1932 г. «О реструктуре литературно-художественных организаций» были расформированы Российская ассоциация пролетарских музыкантов (РАПМ, куда с 1929 г. входили члены «Проколла») и Ассоциация современных музыкантов (АСМ), представители обеих организаций вошли в Союз композиторов Москвы и региональных отделений, позднее объединенные в Союз композиторов СССР. Главные задачи объединения были сформулированы так: «...способствовать созданию высоконидейных художественно-значительных произведений, утверждающих принципы социалистического реализма и развивающих лучшие традиции национальных культур СССР, содействовать творческому росту и развитию профессионального мастерства композиторов и музыкантов, участвовать в музыкально-эстетическом воспитании народа».

Тем же постановлением был учрежден Союз писателей, задача которого – написание текстов «насыщенных героической борьбой международного пролетариата, пафосом победы социализма, отражающих великую мудрость и героизм коммунистической партии». На первом съезде председатель организации М. Горький сказал: «Мир очень хорош и благодарно услышал бы голоса поэтов, если б они вместе с музыкантами попробовали создать песни новые, которых не имеет мир, но которые он должен иметь».

Массовая песня (позднее ставшая «советской песней») стала продуктом совместного творчества представителей двух Союзов. Развитие массовой песни протекало «на основе метода общего для всего советского музыкального творчества, метода социалистического реализма, на основе провозглашенных Коммунистической партией принципов передовой идеиности, партийности и народности искусства».

В самом термине «советская массовая песня» кроется попытка соединить идеологический (советская) и творческий, художественный (песня) аспекты, которые должны были соединиться в творчестве советских композиторов и поэтов. Такое сочетание «несло в себе некий смысл и означало не только социальную ангажированность искусства, одобряемого властями, но также и его политическую нейтральность и лояльность режиму».

Принято считать, что развитие советской массовой песни связано с завершением построения фундамента социализма; с огромным духовным подъемом всего советского народа; подъемом народного самосознания; утверждением искусства на позициях подлинной народности; ликвидацией групп и группок, мешавших объединению и сплочению сил поэтов и композиторов, тормозивших развитие подлинно народного искусства. К этим пунктам стоит добавить распространение радиовещания, рост популярности патефонов и граммофонов, а также развитие звукового кинематографа. 22 сентября 1933 г. СНК СССР было опубликовано постановление «О мерах по улучшению производства граммофонов, граммофонных пластинок и музыкальных инструментов» – таким образом был обеспечен полный государственный контроль как над выпускаемым музыкальным материалом, так и над средствами его воспроизведения. Самостоятельная печать и / или распространение пластинок и даже песенников регулировалось 185 статьей УК РСФСР и квалифицировалось как «нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и порядок».

док» и предполагало исправительные работы сроком до трех месяцев или штраф в размере 300 рублей.

До конца 1920-х годов репертуар музыкального радио составляли произведения композиторов-классиков, трансляции концертов из театров и консерваторий. Тогда же признанные буржуазными опера и оперетта были заменены идеологически подходящими аналогами – комсомольской оперой и [комсомольской] опереттой. Более половины эфирного времени занимает художественное вещание – радиоспектакли, радиофильмы, музыка, массовые песни и эстрадные номера. «В те годы нужен был жизнеутверждающий марш с мужественным ритмом, нужна была „песня-плакат“, основанная не на повествовательном сюжете, а на серии патриотических лозунгов и запоминающихся выражений, не связанных напрямую между собой».

В отличие от «песен народного гнева» 1920-х годов, новые популярные композиции были направлены на воспевание (будущей) счастливой жизни. Одним из символов советской культуры 1930-х годов стали песни В. Лебедева-Кумача на музыку И. Дунаевского. «Марш веселых ребят» прозвучал в первой в истории страны музыкальной комедии «Веселые ребята» (реж. Г. Александров) в 1934 г.: «Нам песня строить и жить помогает...». В фильме песня исполняется соло, но в самом ее содержании «рекламируется» именно массовое пение, которое сопровождает либо «упорный труд», либо «борьбу» (и, как следствие, «победу»). Главная функция песни сформулирована достаточно четко: помогать строить и жить. Так же четко в тексте выражен и мобилизующий потенциал, заложенный уже в названии. Песня же «зовет и ведет», «не дает скучать», «на крыльях к победе ведет». «Когда страна быть прикажет героем, У нас героем становится любой!» Впрочем, очевиден и принудительный характер такого геройства: Родина не «спрашивает» и не «предлагает», а «приказывает».

Вплоть до 1950–1960-х годов массовая песня находилась в некотором «исследовательском авангарде»: теоретические работы были опубликованы не ранее середины 1950-х годов, а острые споры о том, достоин ли «развлекательный жанр» академического анализа в Советском Союзе, велись вплоть до 1980-х годов. Хотя тексты кажутся основным проводником социалистической идеологии, они фактически не рассматриваются в работах советских ученых. Песни, как правило, описаны в общих терминах: «весомость» содержания и правдоподобное отражение «самого важного и существенного в жизни нашего об-

щества». «Аксиомой „песня – душа народа” в принципе и заканчивается источникovedческий анализ советских песен». Музыка – как один из составных компонентов – играла более важную роль: в книгах, пособиях по проведению уроков и лекций даются списки рекомендованного к прослушиванию материала, при этом исполнитель и автор текста, как правило, не указаны, только композитор произведения. В теоретических работах также большее внимание отдается авторам музыкальной части произведения. Т. Чередниченко связывает это с тем, что множество раз пропетые и проговоренные лозунги и призывы теряют заложенные в них смыслы: «охудожествливаясь», идеология превращает себя в аналог банальных рифм шлягерного припева, – их воспринимают, не принимая всерьез, вообще не фиксируя на них внимания; они – не более чем артикуляционный довесок». Многие песни часто распространялись как безымянные. Считалось, что комсомольские песни «не носят имени автора <...> для нас они дороги как песни молодой гвардии». Песня намеренно делалась «народной». Самые известные примеры: «Каховка» (текст: М. Светлов; муз.: И. Дунаевский, 1935), «Дан приказ: ему на запад» (текст: М. Исаковский; муз.: Д. Покрасс, 1937), «Катюша» (текст: М. Исаковский; муз.: М. Блантер, 1938). «Народность» была важной частью одобряемого государством искусства. В музыке, как и в литературе, в изобразительных искусствах, это также означало ориентацию непосредственно на фольклорную стилистику, прямое цитирование музыкального фольклора или подделку под него. Так сочинялись не только марши, помогающие «строить и жить», но и советский государственный фольклор (например, былины о Сталине, русские народные сказки и восточные легенды о Ленине). «Народность» указывала на широкое распространение и популярность у слушателей, которые – предполагалось – оценивают «талантливость произведения не только потому, насколько оно отражает дух нашего народа, но и потому, насколько оно доходчиво». Хоровая форма массовой песни соответствовала соцреалистической «монументальности», дополнительно подчеркивая активно культивируемое в СССР «чувство превосходства общего над частным».

С. Г.